

СПЯЧКА В «ХАРТВУДЕ»

Снег кружил и медленно падал вокруг отеля «Хартвуд». Это был сонный снег — тот, которому требуется довольно много времени, чтобы опуститься на землю. Мышка Мона смотрела на него в маленькое окошко бального зала, навалившись на ручку метлы из одуванчика. Было так тихо, что она почти могла услышать, как снежинки касаются земли.

Ужин в честь святого Спячкинса наконец закончился. Угощение было съедено, песни спеты, подарки от мистера Хартвуда вручены — маленькие пахнущие сладостью подушечки, набитые травами и лавандой, чтобы помочь гостям, которые залегают в спячку, спокойно проспать до самой весны.

А потом все пошли в постель — су-рок, несколько жаб, черепахи, божьи коровки, и ещё несколько барсуков.

Даже ежи мистер и миссис Торгинс, садовник и экономка, залегли спать. Их помощь в отеле не требовалась, поскольку на зимние месяцы номера забронировали лишь несколько животных, не погружающихся в спячку. Большинство зверушек в Папоротлесском лесу, ложились они спать на зиму или нет, оставались у себя дома.

Настоящим домом Моны теперь был отель «Хартвуд», и она любила его весь — от сердечка, вырезанного на входной двери, до балкона для наблюдения за звёздами на самых высоких ветках, вместе со всеми новыми друзьями, такими как Тилли, рыжая белка-горничная, и Кибела, певица-ласточка.

Тилли говорила, что зимний сезон всегда очень скучен, но Мона ничего не имела против. Она служила горничной в «Хартвуде» всего несколько месяцев — с того дня, как пришла сюда осенью, напуганная и вымокшая до нитки.

Но она уже помогла спасти отель от волков и добиться прекрасной рекомендации в «Шишкиной прессе». И, как бы сильно она этим ни гордилась, было бы славно наконец передохнуть и пожарить жёлуди в камине этой зимой.

Мона прямо сейчас почувствовала запах желудей — изумительный аромат, который плыл из кухни, расположенной вниз по лестнице. У персонала будет собственная маленькая пирушка попозже, и Мона едва могла её дождаться.

В животе заурчало, но мышка снова сосредоточилась на работе и несколько раз напоследок махнула метлой, заметая в ведро оставшиеся после распаковки подарков кусочки бечёвки. Бечёвку можно было ещё использовать, так что её требовалось отнести в кладовую. Но мусорное ведро переполнилось, и Мона не могла поднять его. Придётся попросить Тилли помочь.

Мона как раз собиралась выйти из бальной залы и найти белку, когда услышала голос в коридоре:

— Ах, тень, что говоришь ты? Тост за тебя? Да, конечно! Тост.

Затем повисла пауза, после которой слышалось глотание, причмокивание и затем — довольный вздох.

Мона узнала этот голос: это был сурок, мистер Гибсон. Но ему полагалось быть в постели!

Мышка нашла сурка у входа в бальную залу: он тарачился на свою тень на стене.

— Мистер Гибсон, я могу вам помочь? — спросила Мона.

— Ох! Праздник уже кончился?

Сурок развернулся. В одной лапке он держал маленькую ароматную подушечку, а в другой — чашку. Нос его блестел от липкого мёда.

— Да, — сказала Мона. — Уже достаточно давно. Но если вы всё ещё хотите есть, я могу что-нибудь для вас найти. — Она знала, что погружаться в спячку животные должны сытыми.

— Как вы добры. Персонал «Хартвуда» всегда столь заботлив. Даже одаривает подарками. — Он потряс лавандовой подушечкой. — Но нет, я наелся, — продолжил сурок, поглаживая животик. — И даже тень моя сыта.

Мистер Гибсон хихикнул и широко зевнул. Не успела Мона опомниться, как он уснул прямо там, где стоял!

Мона улыбнулась и прислонила метлу к стене.

— Идёмте, — сказала она, осторожно будя гостя. — Давайте уложим вас спать.

— Ах, что за доброта... — пробормотал мистер Гибсон.

Сурок сонно побрёл за Моной по коридору и через вестибюль к лестнице, бормоча себе под нос: «Ах, тень, пойдём с нами. Мне спать и тебе спать».

Его тень — и тень Моны — проследовали за ними вниз по лестнице, подпрыгивая на стене в свете светлячков.

Мона и мистер Гибсон спускались всё ниже и ниже, мимо кухни, прачечной и спален для персонала, направляясь в примостившиеся между корнями «Хартвуда» подземные сьюты.

Коридор здесь освещался слабее, вокруг была земля и царила прохлада. Тут имелись специальные вентиляционные отверстия, пропускающие воздух снаружи, чтобы поддерживать идеаль-

ную температуру в комнатах. Если станет слишком холодно, гости не смогут уснуть. Слишком тепло — и они подумают, что наступила весна, и проснутся чересчур рано.

Сейчас, судя по звуку, спали все. Всевозможные виды храпа, от писка до рокота, эхом разносились по коридору. Мона провела мистера Гибсона мимо кладовой и закрытых дверей, больших и маленьких.

На всех дверных ручках висела табличка:

«ДО РОСЫ НЕ БЕСПОКОИТЬ».

Кроме ручки двери мистера Гибсона, табличка на которой была перевернута и гласила:

«Я НЕ СПЛЮ. ПОЖАЛУЙСТА,
ПРИБЕРИТЕСЬ».

Мона провела его внутрь.

Мягкий свет фонаря освещал скудно обставленную комнату, украшенную лишь несколькими картинами на стенах, изображающими спящих животных. Как и во всех сютах для спячки, кровать занимала большую часть по-

мещения. Её специально подготовили для сурка, и постель была сделана из сладко пахнущих сухих трав.

— Спасибо, — сказал мистер Гибсон, зевая.

Он развязал галстук, лёг в кровать, и, похоже, мгновенно заснул.

— Всегда пожалуйста, — прошептала Мона. — Хорошей спячки, мистер Гибсон. Сладких снов.

Она уже собралась уйти, забрав фонарь с собой, но тут сурок резко сел.

— ТЕНЬ! — вскричал он.

Мона подпрыгнула. Сурок широко раскрыл глаза и наострил уши.

— Мистер Гибсон, что случилось?

Но, казалось, он её не слышал.

— Тень! — выкрикнул он вновь, потрясая лапкой в воздухе.

Тени нигде не было видно, но мистер Гибсон продолжал восклицать: «Тень, ох, тень! Это плохой знак! Плохо, ох, плохо...»

— О чём вы? Что плохо, мистер Гибсон? — Мона пыталась говорить спокойно, но сердце её бешено колотилось.

— Опасность! — возопил сурок, но Мона не могла сказать, отвечает он ей или всё ещё разговаривает со своей невидимой тенью. — Приближается опасность, — продолжал он. — Она рождается снаружи и проникает внутрь.

— О чём вы говорите? — повторила вопрос Мона — теперь её сердце буквально барабанило в груди.

Но мистер Гибсон не ответил. Долгое мгновение спустя он хлопнулся обратно на кровать. «Тень, тень, тень», — заметно смягчившимся тоном пробормотал сурок. Широко зевнув, он натянул на себя одеяло, закрыл глаза и захрапел.

Когда на цыпочках Мона вышла из номера, тихо закрыла за собой дверь и перевернула табличку, её хвост дрожал. Табличка мистера Гибсона была единственной, которая гласила:

**«ПОЖАЛУЙСТА, РАЗБУДИТЕ
ПОРАНЬШЕ — ИСКАТЬ ТЕНИ».**

Вернувшись в коридор, мышка глубоко вздохнула. Наверное, она просто слишком перевозноновалось. Конечно же,

никакой опасности нет. «Спите в безопасности, ешьте на все деньги и будьте счастливы в „Хартвуде”» — так гласил один из множества девизов отеля.

И всё же Мона поспешила рассказать мистеру Хартвуду о мрачном и странном предсказании сурка.

УЖИН В ДЕНЬ СВЯТОГО СПЯЧКИНСА

Пришло время ужина для персонала, и потому Мона поспешила на кухню, надеясь найти там мистера Хартвуда и рассказать ему о предупреждении сурка.

Но стоило мышке зайти в кухню, как из её головы вылетели все мысли о мистере Гибсоне и его предсказаниях. Она знала, что состоится особый ужин, но не ожидала, что кухню так здорово украсят. Тут было почти так же роскошно, как и в столовой!

С корней свода, расположившись между корзинками и горшочками, свисали красные ягоды падуба и паутинки